

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

при совместном международном научном руководстве с

Университетом Париж-VIII Венсенн-Сен-Дени

На правах рукописи

Перцева Алина Андреевна

**Видимость как характеристика субъекта
в современной французской философии**

Специальность

09.00.03 – История философии

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук НИУ ВШЭ

Научные руководители:

Сосна Нина Николаевна, кандидат философских наук

Патрик Водэ, профессор

Москва, Париж – 2018

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Все возрастающий интерес к теме видимости в ее самом широком понимании – отличительная черта французской философии второй половины XX века. Подходы к видимости, выработанные в ней, крайне разнообразны: видимость во французской философии может быть как чувственной, так и умопостигаемой или даже метафорической, как образной, так и не визуальной, как оптической, так и гаптической, как просветляющей, так и ослепляющей, как фантомной, обманчивой, иллюзорной, так и очевидной и достоверной, как репрессивной, объективирующей и порабощающей, так и освобождающей, как социальной, публичной, так и театральной, эстетической, как виртуальной, симулятивной и барочно-избыточной, всего лишь кажимостью, так и относящейся к условиям возможности видимости и невидимости вообще, и т.д. Сами по себе позитивная переоценка видимости и интерес к видимому во всем его многообразии неизбежно сообразовывались во французской философии с решительным пересмотром понятия «субъект», ставшего в результате подобных трансформаций несоизмеримым с классическим представлением о нем.

Субъекты во французской философии не менее разнообразны. Это понятие, крайне многозначное во французском (логический субъект, грамматический субъект, субъект власти, субъект подчинения, тема для интеллектуального рассмотрения, сюжет произведения искусства, субъективность, человек, живое существо, субъект метафизики, субъект действия, субъект претерпевания и т.д.), оказалось во второй половине XX века в центре самых острых дискуссий, поляризовавших философское сообщество. Но субъекты современной французской философии не только разнообразны, но еще и множественны: начиная с середины XX века вплоть до наших дней, во французской философии постепенно намечается тенденция отказа от достоверности единичного солипсистского субъекта, избранного в

качестве теоретической точки отсчета, в пользу изначальной множественности субъектов. Именно эта тенденция и делает особенно актуальной тему их видимости. Ведь видимость субъекта перестает быть исключительно маргинальной и связанной с нарциссической патологией темой там, где взаимная явленность субъектов друг другу становится не менее (а порой и более) важным мотивом, чем непосредственный контакт самосознания с самим собой. Трансформации субъекта видения, связанные с пролиферацией видов и модальностей видимости, приводят, таким образом, в результате, к потребности включения самого субъекта в поле видимого.

Вопрос при этом заключается не в том, чтобы подвести это многообразие трактовок и подходов под единые понятия «видимость» и «субъект», а в том, чтобы проанализировать условия, при которых теоретическая артикуляция этих двух многозначных понятий становится возможной. Определения понятий «видимость» и «субъект» в данном случае – не данность, а открытый вопрос. Каким образом определить субъект, чтобы сделать мыслимой его принадлежность полю видимого? Каким образом определить видимость, чтобы допустить в нее субъект? При этом задача не сводится к простой «комбинаторике» понятий. Ведь несмотря на возрастающую актуальность темы видимости субъектов в современном французском контексте, ее введение в философское поле встречается со своего рода сопротивлением. Это сопротивление характеризует, в первую очередь, теоретическое пространство и едва ли знакомо практикам или чуждым философской теории искусствоведам¹. И если артикуляция понятий «видимость» и «субъект» не была до этого теоретизирована, то не только

¹ Так, например, искусствоведы, которые употребляли понятие «субъект» нестрого, с легкостью могли говорить в своих рассуждениях об образе субъекта (*Costantini M. L'image du sujet. Paris: L'Harmattan, 2002*), о субъекте в картине (*Arasse D. Le Sujet dans le tableau. Essais d'iconographie analytique. Paris: Flammarion, 1997*), о возможности оказаться лицом-к-лицу с субъектом в портрете (*Portraiture. Facing the subject / ed. by J. Woodall. Manchester, N.Y.: Manchester University Press, 1997*), о тесной связи между буржуазным субъектом и классическим портретом (*Buchloh B.H.D. Residual resemblance: three notes on the ends of portraiture // Face-off. The portrait in recent art / ed. by M.E. Feldman. Philadelphia: Institute of contemporary art, 1994. P. 53-69*), не видя в этом никакой проблемы.

потому что эта тема была маргинальной или стигматизированной, но, судя по всему, потому, что она также просто не могла быть теоретизирована.

Сопrotивление темы видимости субъекта теории связано с существованием стойкой негативной корреляции между видимостью и субъективностью, характеризующей не только французскую философию. В западноевропейской философии субъект традиционно оставался невидим. Но он был невидимым не так же, как он неслышим, неосязаем или, в принципе, нематериален, а в силу крайне специфических причин. Согласно распространенной интерпретации, в западноевропейской метафизике, несмотря на известное недоверие по отношению к чувственному зрению, именно зрение традиционно избирается в качестве модели интеллектуальной активности (созерцание, интуиция и т.д.), и зрение же выступает в качестве парадигмы восприятия вообще. В подобной «окулярцентрической» модели, в терминах которой часто и характеризуют нововременную философию, субъект определяется как тот, кто видит, не будучи видим, зрение – как направленное от субъекта к объекту, а видимость – как видимость объекта. Судя по всему, субъект традиционно оставался «слепой зоной» философии, т.е. он был структурно невидимым. Несмотря на разнообразие объяснений и толкований этой структурной невидимости (невоспринимаемости², невоображаемости³, непредставимости в качестве субъекта⁴ и т.д.), и различий в понимании того, кто/что такое субъект, разделение на невидимый субъект и видимые объекты систематически прослеживается в нововременной философии. Все, что становилось видимым, то есть попадало в поле зрения

² См., например, у Беркли, чье «esse est percipi» предстает в качестве самой яркой иллюстрации окулярцентризма западноевропейской философии: «Природа духа или того, что действует, такова, что он не может быть воспринят сам по себе, но лишь по производимым им действиям» (Беркли Дж. «Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия» // Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 183).

³ См., например, у Декарта, чье *cogito* будет названо датой рождения субъекта несколько позже в истории философии: «телесные вещи, образы которых формируются нашим мышлением и как бы проверяются чувствами, воспринимаются нами гораздо отчетливее, нежели то неведомое мне мое я, которое недоступно воображению» (Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения в 2х томах. Т. 2 / пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн. М.: Мысль, 1994. С. 25).

⁴ См., например, в «Критике чистого разума» Канта, где субъект может созерцать себя только в качестве явления, но никогда – в качестве субъекта.

субъекта, будь то даже метафорическое нечувственное зрение, автоматически подпадало под категорию объектов, противопоставленных ему как «источнику» зрения – даже он сам в качестве объекта самосозерцания. И это – несмотря на важность темы рефлексивности (еще одна визуальная метафора, которая будет нами проанализирована подробнее на примере топоса зеркала) для западноевропейского субъекта. Его предполагаемая рефлексивность позволяет всего лишь обойти тему структурной невидимости субъекта, не разрешая ее: в качестве транспарентного, якобы прозрачного для себя, рефлексивный субъект остается пронизываем для взглядов других.

Можно даже предположить, как это сделал, например, Ханс Йонас⁵, что именно выбор зрения в качестве модели познания и восприятия вообще и лежит в основании резкой оппозиции между субъектом и объектом, характеризующей западноевропейскую философию (принято считать, что остальные чувства гораздо легче допускают возможность слияния чувствующего с чувствуемым, тогда как зрение, наоборот, увеличивает «дистанцию» между ними). Современная французская философия в равной степени участвовала в критике окулярцентрической модели (как, например, в случае своего рода «иконоборчества» Эммануэля Левинаса, для которого «Бесспорно, что объективация происходит, главным образом, во взгляде»⁶) и воспроизводила ее на собственных основаниях – например, ставя под вопрос оппозицию между касанием и зрением. В этом последнем случае видимость могла, действительно, утратить связь с объектностью, но происходило это обычно одновременно с избавлением от субъекта, то есть в бессубъектных философиях. Что только подтверждало на другом материале существование негативной корреляции между видимостью и субъектом. Таким образом, негативная корреляция между видимостью и субъектом приводила во французской философии как к критике привилегии зрения (лежащего,

⁵ Jonas H. The Nobility of sight // The Phenomenon of life. Toward a philosophical biology. N.Y.: Harper & Row Publishers, 1966. P. 146-147.

⁶ Левинас Э. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская библиотека, 2000. С. 195. Перевод нами изменен – АП.

согласно этому подходу, в основании оппозиции субъекта объекту), так и к критике субъекта (которому, считается в этом случае, мы обязаны объективирующей концепцией зрения).

На этом фоне особо выделяются сдержанные и осторожные попытки ввести в философский дискурс тему видимости субъекта отдельных французских философов, таких как уже Жан-Поль Сартр, с именем которого и связано полноправное вхождение видимости в область серьезного теоретического рассмотрения, Морис Мерло-Понти – мыслитель видимого *par excellence*, Жак Рансьер, теоретик публичной видимости, и Жан-Люк Нанси, согласно выражению Жерома Лебра⁷, «философ портрета». Между этими философами, на первый взгляд, не так много общего, они крайне редко обращаются к работам друг друга или к общим наработкам, связанным с видимостью субъекта. Все они принадлежат к разным философским традициям и используют разные мыслительные стратегии для того, чтобы теоретизировать видимость, субъект и их артикуляцию. Сама тема видимости субъекта в такой общей формулировке вряд ли может быть определена как центральная для их творчества или действительно сближающая их. И тем не менее, даже если эти четыре автора открыто не ставят перед собой задачу теоретизирования именно видимости субъекта, все они, разрабатывая то или иное ее конкретное проявление, разделяют определенное усилие по преодолению мыслительных привычек своего интеллектуального контекста, и даже шире – интеллектуальной эпохи. Ведь негативная корреляция между видимостью и субъектом может быть преодолена только при условии серьезного переустройства всего пространства мыслимого, а не только отдельных понятий – «видимости» или «субъекта». Поэтому уже само возникновение этой темы является показателем такого переустройства, хотя непротиворечивая теоретическая артикуляция двух понятий и не гарантируется им: как мы увидим, оно будет связано с индивидуальными и

⁷ Lèbre J., Nancy J.-L. *Signaux sensibles. Entretien à propos des arts*, Montrouge: Bayard, 2017. P. 5.

зачастую очень личными теоретическими усилиями указанных авторов на выбранном ими сложном третьем пути ответа на структурную невидимость субъектов – пути между крайностями резкой критики зрения и резкой критики субъекта. В этом отношении четыре заявленных автора предстают действительно как ключевые для понимания развития темы, поскольку дают увидеть особенно рельефно трудность этого усилия во всем многообразии возможных проявлений.

Таким образом, теоретическая артикуляция понятий «видимость» и «субъект» – это своего рода «вызов» современной французской философии: одновременно в смысле трудной задачи, в смысле актуального требования и в смысле приглашения к состязанию с интеллектуальными клише и выработанными мыслительными привычками. И в этом качестве оно еще не было специально изучено.

Степень разработанности темы исследования

Сама по себе тема видимости субъекта в качестве проблемы современной французской философии освещена в литературе крайне слабо. Если и можно найти какие-то ее упоминания, то обычно они ограничиваются отдельными, чаще случайными замечаниями. Наиболее пространное рассуждение об артикуляции тем видимости и субъективности в современной французской философии нам удалось найти в одной из глав книги Фредерика Рамбо «Вторые жизни субъекта: Делез, Фуко, Лакан». В своем исследовании автор выдвигает тезис: на фоне структуралистской критики лингвистического субъекта, именно на уровне видимого проявляется «расформирующая и творческая динамика субъективации»⁸. Тем не менее исследование Рамбо не претендует ни на систематичность, ни на полноту, ограничиваясь разбором одного случая (скрытая полемика между Фуко и Лаканом вокруг интерпретации полотна «Менины» Веласкеса).

⁸ Rambeau F. Les secondes vies du sujet. Deleuze, Foucault, Lacan. Paris: Hermann, 2016.

В качестве ярких образцов философских оригинальных высказываний, свидетельствующих о несовместимости видимости и субъективности в современной французской философии мы рассматриваем следующие тексты: фрагмент о взгляде Сартра из «Бытия и ничто»⁹ в его традиционной интерпретации, связывающей ситуацию «быть видимым под взглядом другого» с объективацией; фрагмент о паноптизме из «Надзирать и наказывать»¹⁰ Фуко, где видимость в паноптическом диспозитиве ассоциируется с субъективацией-подчинением; «Мемуары слепцов. Автопортрет и другие руины»¹¹ Деррида, где показывается невозможность отличить автопортрет от просто портрета исключительно на уровне видимого, то есть репрезентацию субъекта репрезентации от любой другой репрезентации.

Текст Жана-Поля Сартра при этом может быть прочитан и под другим углом зрения. Кроме уже упомянутого нами традиционного подхода к комментированию этого фрагмента, широко распространенного в литературе, особенно в так называемых «критических исследованиях», можно обнаружить и более изощренные интерпретации. Наиболее оригинальное и убедительное прочтение фрагмента о взгляде Сартра на фоне этого превалирующего подхода предложил Рудольф Бернет в статье «Видеть и быть видимым. Невидимый феномен взгляда и живопись»¹², в которой он показал, как взгляд Другого у Сартра не только объективирует сознание-Я, но и дает *увидеть* Другого в качестве субъекта, то есть субъективирует его. Тем не менее, согласно Бернету, взгляд Другого Сартра является при этом «невидимым феноменом». Тезис о невидимости взгляда Другого-субъекта «Бытия и ничто» стоит при этом проанализировать на предмет его соответствия/несоответствия

⁹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ:Астрель, 2012. С. 405-475.

¹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 285-336.

¹¹ Derrida J. Mémoires d'aveugle. L'autoportrait et autres ruines. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1990.

¹² Bernet R. Voir et être vu. Le phénomène invisible du regard et la peinture // Revue d'esthétique. N. 36. 1999. P. 37-47.

ключевым текстам раннего Сартра, косвенно посвященных темам видимости и субъекта – «Воображаемого»¹³ и «Трансцендентности эго»¹⁴. Бернет в своей интерпретации не принимает в расчет эти тексты, которые тем не менее, как мы попробуем показать в дальнейшем, оказывают существенное влияние на выбор релевантной стратегии и тактики интерпретации этого текста.

Морис Мерло-Понти, современник и коллега Сартра, говорит впоследствии о видимости субъекта более открыто, вплоть до того, что в последний период своего творчества в своем последнем неоконченном произведении «Видимое и невидимое» он делает из задачи теоретизации видимости видящего целую программу исследования¹⁵. Основу для интерпретации этой программы, особенно в отношении того, что касается концепции субъекта «Видимого и невидимого» в его связи с видимостью, заложили комментарии Рено Барбараса¹⁶. В качестве важного дополнения к анализу Барбараса можно рассматривать статью Пьера Касу-Ногеса¹⁷ о понятии субъекта в «Видимом и невидимом». Тем не менее комментарии этих авторов требуют систематизации и развития с учетом темы нашего исследования. Не менее важно при этом учитывать, что к идеям «Видимого и невидимого» Мерло-Понти пришел не сразу. Стоит также обратить внимание на то, как его теория видимости постепенно подготавливается в полемике с Сартром в курсах лекций, прочитанных Мерло-Понти в середине 1950х годов: в курсе о психологии и педагогике ребенка, прочитанном в Сорбонне в 1949-1952 годах¹⁸ и в курсе 1954-1955 годов, прочитанном в Коллеж де Франс и

¹³ Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / пер. с фр. И. Бекетовой. СПб: Наука, 2001.

¹⁴ Сартр Ж.-П. Трансцендентность эго. набросок феноменологического описания / пер. с фр. А. Кричевского // Логос. 2003. N. 2. Т. 37. С. 86-121.

¹⁵ Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Включая рабочие записи / пер. с фр. О. Н. Шпараги. Минск: И. Логвинов, 2006.

¹⁶ Основные работы Барбараса о Мерло-Понти: *Barbaras R. De l'être du phénomène. Sur l'ontologie de Merleau-Ponty*. Grenoble: Million, 1990; *Barbaras R. Tournant de l'expérience: recherches sur la philosophie de Merleau-Ponty*. Paris: Vrin, 1998. Но проблему субъекта плоти в его связи со сознанием и видимостью нашли свою проблематизацию в его более поздних статьях. Для нас представляют особый интерес следующие из них: *Barbaras R. The ambiguity of the flesh // Chiasmi International*. 2002. N. 4. P. 19-25; *Barbaras R. Les trois sens de la chair. Sur une impasse de l'ontologie de Merleau-Ponty // Chiasmi International*. Vol. 10. 2008. P. 19-32.

¹⁷ Cassou-Noguès P. La définition du sujet dans *Le Visible et l'invisible // Merleau-Ponty aux frontières de l'invisible / sous la dir. de Cariou M., Barbaras R., Bimbenet E.* Milan: Mimesis, 2003. P. 163-183.

¹⁸ *Merleau-Ponty M. Psychologie et pédagogie de l'enfant. Cours de Sorbonne. 1949-1952.* Paris: Verdier, 2001.

посвященном теме пассивности¹⁹. Для интерпретации этих текстов более релевантными оказываются комментарии Эммануэля де Сен Обера²⁰, скрупулезно реконструировавшего в своих исследованиях интеллектуальный контекст, исходя из которого в 1950е годы рождались самые оригинальные подходы и понятия позднего Мерло-Понти. Также стоит отдельно выделить монографию Аннабель Дюфурк²¹, в которой она подробно анализирует становление теории отношений между воображением и восприятием Мерло-Понти, хотя и не уделяет особого внимания роли темы видимости другого-субъекта в ее разработке. Альтернативное «Видимому и невидимому» описание видимости субъекта как особой видимости манифестации *cogito* может быть также найдено в последнем, неоконченном, курсе Мерло-Понти «Картезианская онтология и онтология сегодня»²².

Другой автор, предпринявший попытку провести теоретическую связь между субъектом и видимостью – Жак Рансьер, который в своих политических текстах конца 1980-х–1990х сформулировал императив субъективации в терминах «становления видимым, становления субъектом» (хотя он и не останавливался специально на проблематичности отношений между субъектом и видимым для предшествующей философии). Этот императив находит свое осмысление в двух ключевых сборниках политических текстов Рансьера: «На краю политического»²³ и «Несогласие»²⁴. С точки зрения эстетики, в более поздних текстах Рансьера тема видимости субъекта получает иную интерпретацию, получившую наиболее завершенное и однозначное

¹⁹ Merleau-Ponty M. Le Problème de la passivité: le sommeil, l'inconscient, la mémoire // L'institution, la passivité. Notes de cours au Collège de France (1954-1955). Paris: Belin, 2015. P. 200-342.

²⁰ Основные работы сводятся на данный момент к следующим: *De Saint Aubert E. Du lien des êtres aux éléments de l'être: Merleau-Ponty au tournant des années 1945-1951.* Paris: Vrin, 2004 ; *De Saint Aubert E. Le scénario Cartésien. Recherches sur la formation et la cohérence de l'intention philosophique de Merleau-Ponty.* Paris: Vrin, 2005 ; *De Saint Aubert E. Vers une ontologie indirecte. Sources et enjeux critiques de l'appel à l'ontologie chez Merleau-Ponty.* Paris: Vrin, 2006 ; *De Saint Aubert E. Être et chair I. Du corps au désir: l'habilitation ontologique de la chair.* Paris: Vrin, 2013.

²¹ Dufourcq A. Merleau-Ponty: une ontologie de l'imaginaire. Springer: 2011.

²² Merleau-Ponty M. Notes des cours au Collège de France. 1958-1959 et 1960-1961. Paris: Gallimard, 1996. P. 160-267.

²³ Рансьер Ж. На краю политического / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006.

²⁴ Рансьер Ж. Несогласие / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2013.

представление в «Политике литературы»²⁵. Хотя вокруг Рансьера уже успел сложиться достаточно широкий комментаторский корпус, прицельного исследования, посвященного его теории субъектов в их связи с видимостью, нам найти не удалось. Этот недостаток частично компенсируют интервью Рансьера²⁶, где он зачастую формулирует свою позицию более ясно и определенно. Устные беседы и выступления полноправно входят в творческое наследие Рансьера наравне с более традиционными формами философского выражения.

Отдельного внимания также заслуживают тексты Жана-Люка Нанси, в которых он развивает тему портрета субъекта, трактуемую нами как одно из проявлений темы нашего исследования. В обширном и «фрагментарном» творчестве Нанси таких текстов как минимум четыре: глава «Larvatus pro deo» из сборника «Ego sum»²⁷, глава «Девушка, заступающая Музы» из сборника «Музы»²⁸, выпущенное отдельной книгой эссе «Взгляд портрета»²⁹, а также более поздний текст «Другой портрет»³⁰. Тема портрета субъекта в творчестве Нанси освящена во вторичной литературе крайне слабо и ее существующая интерпретация ограничивается отдельными замечаниями Яна Джеймса³¹, Жана-Поля Маду³², Сюзанны Линдберг³³, Елены Петровской³⁴, Нины Сосны³⁵. Ряд замечаний о соотношении теорий субъекта Рансьера и Нанси содержится

²⁵ *Rancière J.* Politique de la littérature. Paris: Galilée, 2007.

²⁶ В основном будут цитироваться два сборника интервью: *Rancière J.* Et tant pis pour les gens fatigués. Entretiens. Paris: Amsterdam, 2009 и *Rancière J.* La méthode de l'égalité. Entretien avec Laurent Jeanpierre et Dork Zabunyan. Montrouge: Bayard, 2013. Среди не вошедших в сборники интервью стоит особо выделить *Rancière J.* Perdre aussi nous appartient: entretien avec Jacques Rancière sur la politique contrariée de la littérature // cote-jour: cahiers littéraires. 2005. N. 8. P. 69-89, проясняющее позицию Рансьера о субъекте в эстетике.

²⁷ *Nancy J.-L.* Larvatus pro deo // Ego sum. Paris: Flammarion, 1979. P. 61-94.

²⁸ *Nancy J.-L.* La jeune fille qui succède aux Muses (La naissance hégélienne des arts) // Les Muses. Paris: Galilée, 2001. P. 71-98.

²⁹ *Nancy J.-L.* Le regard du portrait. Paris: Galilée, 2000.

³⁰ *Nancy J.-L.* L'Autre portrait. Paris: Galilée, 2014.

³¹ *James I.* The Fragmentary demand. An introduction to the philosophy of Jean-Luc Nancy. Stanford: Stanford University Press, 2006.

³² *Madou J.-P.* Jean-Luc Nancy: Ego sum // La nouvelle revue française. 1980. N. 334. P. 139-143.

³³ *Lindberg S.* L'inquiétant Hegel de Nancy // Europe. 2009. N. 87. P. 262-268.

³⁴ *Петровская Е.* Теория образа. Москва: Российский Государственный Гуманитарный Университет, 2012. С. 122-144.

³⁵ См. например *Сосна Н.* Фотография и образ. Визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: НЛЮ, 2011. С. 71-72.

в работе Антони Бирнбом «Уклончивые траектории»³⁶, но ее общие замечания необходимо нюансировать в том, что касается критики субъекта у Нанси. Наиболее полно точка зрения самого Нанси на вопрос субъекта изложена в опубликованном докладе его выступления «(Один) субъект?»³⁷. Важным источником, проясняющим позицию Нанси, таким образом, вновь выступают устные выступления и интервью³⁸.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступают современные французские теории субъекта. В частности, теории субъекта Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, Ж. Рансьера, Ж.-Л. Нанси.

В качестве **предмета исследования** рассматривается включение видимости в качестве характеристики субъекта в этих теориях, т.е., в конечном счете, непротиворечивая теоретическая артикуляция двух понятий – «видимость» и «субъект».

Цели и задачи исследования

Цель исследования заключается в том, чтобы описать теоретическую артикуляцию понятий «видимость» и «субъект» как проблему современной французской философии.

Эта цель разбивается на следующие **исследовательские задачи**:

1. Выявить основные теоретические вызовы, связанные с введением темы видимости субъекта во французскую философию
2. Идентифицировать ключевые моменты развития этой темы в истории современной французской философии

³⁶ *Birnbaum A.* Trajectoires obliques. Michel Foucault, Philippe Lacoue-Labarthe, Jean-Luc Nancy, Jacques Rancière. Paris: Sens&Tonka, 2013.

³⁷ *Nancy J.-L.* Un sujet? // Homme et sujet. La subjectivité en question dans les sciences humaines. Paris: L'Harmattan. 1992. P. 47-114.

³⁸ В частности, *Martin F., Nancy J.-L.* Nium. In diessem Sinne. Point final. Valence: Ecole Regionale des beaux arts, 1993 ; *Girard M., Nancy J.-L.* Proprement dit. Entretien sur le mythe. Fécamp: lignes, 2015 ; *Lèbre J., Nancy J.-L.* Signaux sensibles. Entretien à propos des arts. Montrouge: Bayard, 2017.

3. Определить основные стратегии артикуляции понятий «видимость» и «субъект»
4. Проанализировать выделенные стратегии: описать их, выявить основные достижения, связанные с ними, а также показать их проблемные места

Методологическая основа исследования

В нашем исследовании в качестве основного метода мы используем историко-философскую интерпретацию текстов с привлечением существующего комментаторского корпуса, дополняя ее историко-понятийным анализом. Этот выбор обосновывается спецификой предмета нашего исследования: видимость субъекта не является центральной темой у названных авторов (т. е. речь будет идти чаще о комментировании небольших фрагментов их текстов), но, при этом, согласно нашей гипотезе, она требует серьезных усилий по ее теоретизированию. Выбранная методологическая стратегия позволит нам проанализировать конкретные приемы, благодаря которым этим авторам удается сделать мыслимой видимость субъектов, увидеть, как конструирование этих теорий происходит на практике в их текстах, а также идентифицировать их проблемные точки, избегая при этом чрезмерной концентрации на отдельных фрагментах текстов и их искусственной изоляции.

В качестве вспомогательного метода мы будем прибегать к более масштабной историко-философской реконструкции, в которой мы будем оперировать понятием «философский момент», введенным Фредериком Вормсом в контексте его исследования современной французской философии³⁹. Его релевантность обусловлена другой особенностью предмета

³⁹ Согласно ему, французская философия XX века, уделявшая особой внимание разрывам преемственности, особенно часто становилась заложницей взаимного непризнания и игнорирования со стороны разного рода интеллектуальных течений и направлений мысли, которые и складываются в такого рода моменты. Будучи отделенными друг от друга и часто сменяющимися, они, таким образом, тем не менее сохраняют нередко хорошо скрываемую связь и преемственность: «Все выглядит, на самом деле, так, как если бы в данном конкретном случае [случае современной французской философии] последовательность отдельных философских моментов была такой плотной, такой четкой, что они в итоге пришли к тому, что начали заслонять, маскировать друг друга, до такой степени удачно, что мы начали забывать их содержание,

исследования: как мы уже успели заметить, введение темы видимости субъекта требует серьезного переустройства всего поля мыслимого и его возможностей, принципиально недоступного для текстового и понятийного анализа. Понятие «философский момент» Вормса позволит нам проанализировать как радикальные разрывы, так и элементы повторов и преемственности в этом переустройстве.

Таким образом, в нашем исследовании мы будем иметь дело с двумя уровнями анализа: с частным уровнем текстуального фрагмента и с более общим уровнем философского момента.

Научная новизна исследования

1. Впервые видимость субъекта описана как особая тема современной французской философии.
2. Идентифицированы основные вызовы, связанные с теоретической артикуляцией понятий «видимость» и «субъект».
3. Описана специфика ключевых моментов истории современной французской философии, создававших для нее наиболее благоприятные условия.
4. Выделены и детально проанализированы основные стратегии артикуляции понятий «субъект» и «видимость».
 - а. Показана возможность двойного прочтения фрагмента о взгляде из «Бытия и Ничто» Сартра. Предложена альтернативная традиционной интерпретация, рассматривающая его также в качестве описания видимости другого-субъекта. Продемонстрирована несовместимость этого описания с базовыми концептуальными оппозициями онтологического дуализма Сартра.

важность, отношения, которые были между ними, а также с более широким, открытым контекстом» (*Worms. F. La philosophie en France au XXe siècle. Moments. Paris: Gallimard, 2009. P.10*).

- b. Показана роль темы видимости другого-субъекта в становлении собственной оригинальной концепции отношений между восприятием и воображением Мерло-Понти. Проанализировано место темы видимости субъекта в поздних работах Мерло-Понти – в неоконченных «Видимом и невидимом» и «Картезианской онтологии и онтологии сегодня». Показана противоречивость подхода Мерло-Понти к видимости субъекта.
- c. Показана новизна и оригинальность подхода Жака Рансьера к теоретизированию связи между «становлением видимым» и субъективацией в его политических текстах в контексте подходов его современников (Л. Альтюссера, М. Фуко, Х. Арендт и др.). Проанализированы его теоретико-методологические основания. Продемонстрировано различие в подходах Рансьера к концептуализации видимости и субъективности в его политических и эстетических текстах.
- d. Впервые предложен анализ темы портрета в его связи с субъектом в творчестве Жана-Люка Нанси. Показана стратегическая роль видимости субъекта для перехода от метафизики Субъекта к онтологии единичного множественного.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Тема видимости субъекта, представляет собой, возможно, трудноуловимый, но достаточно устойчивый мотив в современной французской философии, находящий своеобразные проявления у самых разных философов.
2. Возрастание интереса к теме видимости субъекта(ов) связано с тенденцией постепенного отказа от привилегии рефлексивного «траспарентного» солипсистского субъекта самодоверности в пользу открытости другим и миру, не элиминирующей субъективную позицию. Появившись в контексте неоднозначного описания Сартром встречи с другим-субъектом, у Мерло-Понти эта тема развивается в рамках

встречи с миром вообще (в рамках которой фигура другого нивелируется), чтобы стать, в результате, важной темой в русле подходов, избирающих в качестве теоретической точки отсчета разделяемое общее изначально множественных субъектов, где опыт другого становится неотъемлемой частью отношения себя-к-себе.

3. При этом задача философской артикуляции терминов «видимость» и «субъект» оказывается сложной даже для современной французской философии. С одной стороны, введение видимости в качестве характеристики субъекта предполагает усложнение отношений между аспектами активности и пассивности. С другой – усложнение связи между воспринимаемым, воображаемым, символическим и т.д., поскольку видимость может стать характеристикой субъекта только при условии, что она будет теоретизирована в качестве гетерогенной, то есть способной дифференцировать видимость субъекта от других, более или менее привычных несубъектных способов и форм явленности.
4. Тема видимости субъекта возникает во Франции в эпоху увлечения феноменологией, но наиболее благоприятные условия для теоретической артикуляции двух понятий складываются на исходе (пост-)структурализма, в рамках которого усложнение отношений между аспектами активности и пассивности субъекта, а также - между языком и видимостью обретает стратегическое значение преодоления односторонности структуралистского субъекта подчинения.
5. В современной французской философии можно выделить три базовых стратегии артикуляции понятий «видимость» и «субъективность»: бытие-видимым субъекта (Жан-Поль Сартр, Морис Мерло-Понти), становление-видимым субъективации (Жак Рансьер) и завершение-видимым Субъекта (Жан-Люк Нанси). Каждая из трех стратегий является по-своему неоднозначной – не столько снимающей противоречие между видимостью и субъективностью, сколько более или менее удачно использующей его в своих интересах:

- a. В рамках первой стратегии, Сартру удалось предложить *описание* видимости другого-субъекта во встрече, но эксплицитной теоретической артикуляции двух понятий помешал радикальный дуализм сартровской онтологии.
- b. Не выходя, по большому счету, за рамки этой стратегии, философия позднего Мерло-Понти закладывает основания для теоретической артикуляции понятий «видимость» и «субъект» за счет введения общего для дуализмов Сартра, но при этом также и поляризующего источника – плоти мира. Именно в качестве общей, разделяемой видимость и сможет стать одной из характеристик субъекта в дальнейшем. И все же неоконченное «Видимое и невидимое» само по себе не может пока служить «твердым основанием» для его осмысления: оно, с одной стороны, рискует впасть в неразличение между субъектом и объектом, а с другой, чтобы нивелировать этот риск, частично реставрирует позицию сознания, вступающую в противоречивые отношения с плотью мира.
- c. В рамках второй стратегии Рансьер проделывает большую философскую работу, чтобы теоретизировать «становление-видимым» в качестве императива политической субъективации в сильном смысле слова. Даже если его тезисы о видимости субъекта ограничиваются исключительно радикальной политической субъективацией и не распространяются, в частности, на его эстетику.
- d. В рамках третьей стратегии Нанси предлагает оригинальное осмысление темы видимости субъектов в искусстве, в частности – в искусстве портрета. Это осмысление предстает крайне амбивалентным: с одной стороны, Нанси показывает, что именно эстетическая видимость делает субъект завершенным; а с другой – демонстрирует, что именно на месте эстетической видимости

субъекта происходит завершение метафизики Субъекта и ее переход к онтологии единичного множественного.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Материалы данного исследования могут быть использованы при подготовке курсов по истории современной философии и истории эстетики; теориях визуального и образного – как самостоятельно, так и в их непосредственной связи с онтологией и антропологией. Полученные результаты могут найти применение в исследованиях, посвященных различным аспектами визуальности в современной философии и культуре.

Апробация результатов исследования

Отдельные положения диссертации были представлены в выступлениях автора на следующих конференциях:

XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», организованная МГУ им. Ломоносова 13-17 апреля 2015 (Доклад «Рансьер читает Шиллера: новые отношения с классическими текстами эстетики»)

VI межвузовская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия. Язык. Культура», организованная школой философии НИУ ВШЭ 29-30 апреля 2015 (Доклад «Жак Рансьер: философ и его субъект»)

Европейская летняя школа культурных исследований «Politics of taste» (Париж, Франция), 7-13 сентября 2015 (Доклад «Suspension and Equality in Jacques Rancière's Interpretation of Judgement of Taste»)

Международный Воркшоп Амстердамской Школы Культурного анализа «Transparency/Opacity» 21-23 марта 2016 (Доклад «Subject's Opacity Taken Literally. Merleau-Ponty revisiting Sartre's transparent consciousness»)

10^й ежегодный семинар исследовательской группы «Феноменологии» университета г. Льеж (Бельгия) «Imagination as an Act: Phenomenological

Approaches» 25-29 апреля 2016 (Доклад «Le regard de l'autre chez Sartre: l'entre-deux de l'imagination et de la perception»)

VIII Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» 26-29 апреля 2017 (Доклад «Субъект как “слепая зона”. Входит ли тема “видимости субъекта” в границы мыслимого?)

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение посвящено обоснованию актуальности темы исследования, описанию степени ее разработанности, формулировке объекта и предмета, цели и задач работы, раскрытию методологии исследования, описанию научной новизны диссертации, изложению основных положений диссертации, выносимых на защиту, изложению ее теоретической и практической значимости.

Внимание **первой части** диссертации сосредоточено на текстах ключевых французских авторов, причисляющих себя к феноменологическому направлению (Жан-Поль Сартр и Морис Мерло-Понти), в которых фиксируются первые попытки ведения темы видимости субъекта в рамках современной французской философии. В общем и целом, в этой части показывается, как тема нашего исследования возникает у двух упомянутых французских философов в контексте их более масштабных теоретических усилий, направленных на «открытие» солипсистского сознания другому и миру. Связь между ними обеспечивается за счет специфического для французского контекста понятия «взгляд», выступающего, с одной стороны, в качестве приемника традиционного для феноменологии окулярцентризма, а с другой стороны, в качестве его же антагониста, – зрения не только видящего, но и видимого. Здесь же нами анализируются сложности, с которыми вдохновленные феноменологией французские авторы сталкиваются в своих попытках ввести в философию тему видимости субъекта в терминах «взгляда» и которые оказываются в итоге, как мы пробуем показать, с трудом разрешимы в рамках практикуемого ими подхода.

В **первой главе** нами подробно исследуется фрагмент о взгляде из «Бытия и Ничто» Сартра в качестве своего рода инаугурального момента возникновения темы видимости субъектов в современной французской философии. В ней главным образом анализируется его ключевая особенность: неразрешимый характер появления темы видимости субъекта в «Бытии и

Ничто». Во-первых, эта неразрешимость обнаруживается в возможности двойного прочтения этого фрагмента. Как мы пробуем показать, он может быть проинтерпретирован не только, как это делается традиционно, в качестве демонстрации объективирующей для сознания силы взгляда другого, но и в равной мере – в качестве оригинального описания субъективирующей видимости взгляда другого-субъекта, то есть такой специфической видимости, которая делает возможной встречу с другим как другим субъектом. Представляется, что эти две возможные интерпретации не столько исключают, сколько дополняют друг друга. Во-вторых, отмеченная нами неразрешимость связывается в итоге еще и с тем, что второе, предложенное нами, прочтение описания взгляда другого-субъекта из фрагмента о взгляде «Бытия и Ничто», при всей его обнаруживаемой легитимности, затрудняет согласование сартровского описания взгляда другого с базовыми основаниями его дуалистической онтологии, заложенными в двух ранних текстах молодого Сартра – «Воображаемом» и «Трансцендентности Эго». Попытке привести в соответствие описание взгляда другого-субъекта из «Бытия и Ничто» с тезисами этих двух ранних текстов Сартра и посвящены, соответственно, первый и второй раздел первой главы.

В разделе 1.1. показывается несоответствие сартровского описания специфической формы явленности взгляда другого в «Бытии и Ничто» ключевым положениям о видимом его «Воображаемого», основанного, как мы вкратце напоминаем, на резкой оппозиции между воображаемым и воспринимаемым. Для этого, в первую очередь, в параграфе 1.1.1. ставится вопрос об «эстетическом» (то есть чувственном) измерении встречи у Сартра, которая происходит, главным образом, в плоскости видимого. Особый акцент на тематизации «встречи» в качестве наиболее яркого достижения Сартра в этом фрагменте, позволяет нам также пролить свет на присутствующую в нем взаимосвязь между объективацией взглядом другого (на которой настаивает традиционная интерпретация этого фрагмента) и субъективацией взгляда другого, то есть продемонстрировать возможность того самого двойного

прочтения, на котором и основан наш анализ. В **параграфе 1.1.2.** к рассмотрению принимается интерпретация особого способа явленности взгляда другого у Сартра, предложенная Рудольфом Бернетом, известным бельгийским феноменологом. Придается значение ее сильным сторонам (связи способа явленности взгляда с субъективацией) и ставится под вопрос та ее часть, где Бернет утверждает невидимый характер взгляда другого-субъекта Сартра (согласно его терминологии, взгляд у Сартра предстает в качестве «невидимого феномена»). Таким образом, проверке подвергается первая гипотеза: взгляд другого-субъекта невидим. В **параграфе 1.1.3.** сартровское описание процесса схватывания взгляда другого-субъекта из «Бытия и Ничто» сопоставляется с его же описанием работы воображения из «Воображаемого» на основе их негативного определения: подвешивание/приостановка восприятия характеризуют как работу воображения, так и схватывание взгляда другого-субъекта. Таким образом проверяется вторая гипотеза об эстетическом измерении встречи в «Бытии и ничто»: взгляд другого-субъекта – воображаем. Делается вывод о том, что измерение «встречи» неизбежно делает эту аналогию неполной. В параграфах **1.1.4-1.1.1.6** подобным же образом производится попытка сопоставить тезисы «Воображаемого» с описанием взгляда другого-субъекта из «Бытия и ничто» на основе трех остальных характеристик, которые Сартр дает образу: «квази-наблюдение» (другой во взгляде, как и в образе, дается сразу и целиком, но, в отличие от образа, он не определяется нашим знанием о нем), «неантизация» (образ, как и взгляд, позволяет полагать негативность, но во взгляде, в отличие от образа, другой, пусть и как возможное сознание (т.е. негативность) для себя, существует и присутствует здесь и сейчас) и «спонтанность» (воображение является свидетельством безграничной свободы сознания, тогда как встреча с другим во взгляде – ее ограничением). Таким образом, как показывают результаты нашего анализа, специфическая видимость взгляда другого-субъекта «Бытия и Ничто» принципиальным образом не может быть описана в терминах оппозиции «восприятие/воображение» Сартра эпохи

«Воображаемого». Эта невозможность непосредственно связывается нами с нелегитимностью в рамках сартровского дуализма постановки самой проблемы, которую тема взгляда другого-субъекта призвана решить в «Бытии и Ничто»: вытекающей из темы встречи проблемы различения между другим-субъектом и другим-объектом; между я-субъектом и я-объектом. Анализ этой проблемы посвящен раздел **1.2**.

В разделе **1.2** показывается несоответствие сартровского описания другого-субъекта, встречаемого во взгляде, из «Бытия и Ничто» наиболее радикальным тезисам его же «Трансцендентности Эго», лежащим в основе его оригинальной философии сознания и его ранней критики понятия «субъект». В параграфе **1.2.1** рассматривается различение между другим-субъектом и другим объектом из «Бытия и ничто» в его отношении к резкой оппозиции между сознанием и объектом, обоснованной Сартром в «Трансцендентности Эго». Делается заключение, что в «Бытии и Ничто» другой-субъект оказывается своего рода промежуточной реальностью между крайностями сознания и объекта. Хотя такого рода «промежуточная реальность» и выглядит, в соответствии с нашим анализом, уместной в контексте описания встречи сознания с другим-субъектом, как мы показываем, она тем не менее не вписывается в резко дуалистическую онтологию Сартра, базирующуюся на непреодолимой оппозиции для-себя и в-себе. В параграфе **1.2.2** аналогичным образом рассматривается различение между я-субъектом и я-объектом в свете тезисов «Трансцендентности Эго». При желании, как мы демонстрируем, в описании встречи сознания со взглядом другого Сартра можно увидеть зачатки того, что позже будет названо «субъективацией» (что примечательно, уже в двух ее парадигматических аспектах – подчинения и освобождения), которая могла бы объяснить это различение и его появление во фрагменте о взгляде другого, или, по крайней мере, сделать его также уместным. Однако, очевидным образом, такое теоретическое решение потребовало бы принятия точки зрения становления, не менее проблематичной в рамках дуализма «Бытия и Ничто». В заключении к этому разделу мы утверждаем, что понятия

«я-субъект» и «другой-субъект» являются настолько же уместными в отношении описания встречи с другим, насколько нелегитимными с точки зрения его общего онтологического контура «Бытия и Ничто».

Общий вывод к первой главе делается следующий: неоднозначность представления Сартром встречи с другим-субъектом из «Бытия и Ничто» дает возможность увидеть в нем также и оригинальное описание специфической видимости другого-субъекта, отличной от видимости объекта; тем не менее такая специфическая видимость и такой специфический субъект оказываются нетеоретизированными у Сартра. Делается предположение, что видимость субъекта, в принципе, остается неизбежно нетеоретизируемой в рамках дуализма, каковым является, в своей основе, онтология Сартра. На основе проведенного в двух разделах этой главы анализа формулируется соответствующее двойное требование темы нашего исследования: теоретизировать гетерогенность видимого (не сводимого к «позитивному» воспринимаемому видимому) и соединить аспекты пассивности и активности в идее субъекта. Несоответствие описания взгляда другого-субъекта из «Бытия и Ничто» ключевым оппозициям двух основополагающих ранних текстов мы связываем, таким образом, с необходимостью серьезного переустройства всего пространства мыслимого, связанной с темой видимости субъектов.

Во **второй главе** анализируется опыт Мориса Мерло-Понти по конструированию такого рода теоретического пространства, который, в отличие от Сартра, превратил эту задачу в свою исследовательскую программу. Во введении ко второй главе релевантность этого опыта Мерло-Понти теме видимости субъекта связывается не только с его программным интересом к видимому (в том числе, к видимому видящего), но и с более общей сообразностью философских задач зрелого периода его творчества вызовам темы нашего исследования. Согласно результатам нашего анализа фрагмента о взгляде Сартра, ключевой теоретический вызов темы видимости субъекта заключается в том, что она требует отказа от дуалистического типа

мышления (чтобы сделать мыслимой общность субъекта и видимого, традиционно ассоциируемого со способом бытия объекта) без полной утраты различения субъект/объект (чтобы не утратить специфику видимости субъекта по сравнению с любой другой видимостью). С опорой на существующий комментаторский корпус во введении показывается, как, начиная с середины 1950-х годов, Мерло-Понти ставит перед собой цель преодолеть дуализм Сартра, не утратив конституирующее его напряжение, то есть не впад в полное неразличение. Ставится вопрос о действительном достижении Мерло-Понти этой цели. Ответу на него и посвящена вторая глава, структура которой буквально повторяет структуру первой главы: в первом разделе анализируется ответ Мерло-Понти на оппозицию «воображаемое/воспринимаемое» Сартра в ее связи с темой видимости другого-субъекта; второй же раздел посвящен более позднему ответу Мерло-Понти на вторую оппозицию Сартра – оппозицию между сознанием и объектом в контексте тематизации неполной обратимости видимого и видящего.

В разделе **2.1.** на материале курсов лекций, прочитанных Мерло-Понти в 1950-е годы в Сорбонне и в Коллеж де Франс, исследуется процесс выработки им собственной теории отношений между воспринимаемым и воображаемым в полемике с Сартром. Специально анализируется роль специфики видимости другого-субъекта в выработке этого ответа. Показывается его важность для разработки Мерло-Понти его поздней онтологии «Видимого и невидимого».

В параграфе **2.1.1.** рассматривается первый этап этого процесса – курс Сорбонны 1949-1952 «Психология и педагогика ребенка», в одной из лекций которого Мерло-Понти констатирует необходимость пересмотра современных теорий воображения для адекватного понимания его роли в жизни ребенка. В этой лекции, как нам удастся обнаружить, Мерло-Понти не только излагает в общем виде тезисы «Воображаемого» Сартра, но и предлагает первый вариант их критики. Достаточно быстро становится

очевидным, что эта критика распространяется на проблемы, выходящие далеко за рамки узкой темы роли воображения в жизни ребенка и затрагивает, главным образом, вопросы отношений с другим. Как мы пробуем показать, в этом первом и еще приблизительном варианте критики теории воображения Сартра у Мерло-Понти ключевую роль играет именно специфика видимости другого. Согласно позиции Мерло-Понти в этом курсе, видимость другого субъекта ставит под вопрос резкую оппозицию между восприятием и воображением Сартра (в отношении другого никогда нельзя сказать наверняка было ли то или иной качество, реакция, эмоция и т.д. действительно восприняты или только воображены нами, поскольку верификация оказывается принципиально невозможной). Нами подробно анализируются различного рода критические по отношению к Сартру мотивы, которые вплетаются в этот аргумент, усиливая его. Тем не менее, в конечном счете, согласно нашей оценке, эта попытка Мерло-Понти преодолеть оппозицию между восприятием и воображением Сартра еще остается крайне противоречивой и не выходит за рамки сартровского подхода к нему: настаивая на точке пересечения между воображением и восприятием в случае видимости другого-субъекта, Мерло-Понти еще использует сартровское же разграничение между ними, – если не сказать усиливает его.

Ко второму, более обоснованному и осмысленному этапу процесса выработки собственной теории отношений между воображением и восприятием, курсу Мерло-Понти, прочитанному в Коллеж де Франс в 1954-1955 годах, и посвящённому теме пассивности («Проблема пассивности. Сон, бессознательное, память»), мы переходим в параграфе **2.1.2**. В первом разделе этого курса, в котором анализируются феномены сна и засыпания, Мерло-Понти выдвигает уже пять отдельных аргументов против разграничения между восприятием и воображением Сартра. Однако, как мы пробуем показать, среди этих пяти аргументов самым эффективным, хотя и до сих пор не лишенным противоречий, также является аргумент восприятия/воображения другого-субъекта, во многом продолжающий

аргумент из курса Сорбонны: другие нам представляются даже наяву в каком-то смысле как сны или мифы, и этого факта уже достаточно, чтобы поставить под вопрос «раскол» между реальным и воображаемым.

Не ограничиваясь анализом этой непосредственной критики оппозиции между восприятием и воображением Сартра, в продолжении анализа курса Коллеж де Франс 1954-1955-х годов Мерло-Понти, мы рассматриваем также и вторую его часть, посвященную бессознательному. Благодаря этому нам удастся также показать, как проанализированный нами ранее опыт неразличения восприятия и воображения в дальнейшем переносится у Мерло-Понти со специфики встречи с другим-субъектом на встречу с миром вообще. В этой части курса, объяснив бессознательное по аналогии с избытком восприятия по отношению к самому себе (восприятие включает в себя также и нететические зоны, которые при определенных условиях могут быть осознаны), Мерло-Понти стал объяснять сам этот избыток восприятия в терминах бессознательного, а вместе с ним, в конечном счете – и в терминах воображаемого. Как мы пробуем показать, именно в этот момент, когда Мерло-Понти перенес свой интерес с исследования места реального в воображаемом на то, в какой мере любое восприятие уже неотделимо от воображения, аргумент Мерло-Понти становится действительно сильной критикой Сартра. Вопрос при этом заключается в том, чтобы определить роль, которая отводится в этом случае другому и его видимости.

На примере более поздних работ Мерло-Понти (в частности, «Око и духа») мы предпринимаем попытку проиллюстрировать, как вместе с этим принципиальным вплетением воображения в канву восприятия, Мерло-Понти интегрирует опыт другого-субъекта в отношения с миром вообще, как, таким образом, возникает мотив «взгляда вещей» и как при этом, в конечном итоге, фигура другого оказывается под угрозой неразличения/исчезания в «плоти мира». В заключении этого раздела делается вывод о том, что наиболее последовательная критика оппозиции между восприятием и воображением Сартра, приводит Мерло-Понти к стиранию различий между видимостью

другого-субъекта и видимостью вещи, которая в поздних его текстах фактически наделяется способностью быть носителем взгляда в контексте его идеи структуры видения как взаимного обмена видимостями/взглядом. Видимость восприятия-воображения поздних текстов Мерло-Понти, альтернативная оппозиции между ними Сартра, оставляет нас, таким образом, на полпути между видимостью объектов и видимостью субъекта.

В разделе **2.2** на материале поздних неоконченных трудов Мерло-Понти (главным образом, «Видимого и невидимого» и рабочих записей к нему), анализируются его нетривиальные теоретические усилия по выработке оригинальной онтологии, сопряженной с тезисом об отношении неполной обратимости между видящим и видимым, и пересматривающей сартровский дуализм. В параграфе **2.2.1** критика Мерло-Понти резкой сартровской оппозиции между сознанием и объектом связывается с выработкой Мерло-Понти нового подхода к преодолению оппозиций, конкретизируемого в его самобытном понятии «плоть мира». Как представляется, особенность этого нового подхода заключается в том, что на этом особенно характерном этапе своего творчества Мерло-Понти, вместо того, чтобы, как он был склонен поступать до этого, мыслить общее как «смешение» двух разнородных элементов (как, например, в проанализированном нами ответе Мерло-Понти на сартровскую оппозицию «воображение/восприятие»), постулирует общее в качестве более первичного основания, поляризация которого и обеспечивает эту оппозицию – или, скорее, различие. Такого рода новаторский подход, как мы показываем, оказывается особенно релевантен задаче осмысления видимости как чего-то общего для видящего субъекта и видимого им мира, разделяемого ими и разделяющего их. И тем не менее, при более пристальном рассмотрении становится очевидным, что место субъекта по отношению к «плоти мира», которую Мерло-Понти и помещает на место этого «общего», оказывается вместе с тем с трудом определяемым, особенно – в его видимом измерении. За отсутствием чего-то похожего на теорию субъективации, то есть обоснования того, как субъект возникает/происходит из общей «плоти

мира», отличает себя от вещи/объекта, Мерло-Понти оказывается вынужден прибегнуть к рудиментам феноменологии сознания, чтобы объяснить активность видящего. Последняя при этом оказывается плохо совместимой с его радикальным решением принять «плоть мира» в качестве общей для видящего и видимого теоретической точки отсчета. К этому выводу мы приходим в результате рассмотрения ряда узловых моментов его аргументации. Во-первых, в параграфе **2.2.2.** анализируется противоречивая идея «неполной обратимости» видения, как в ее преемственности, так и в разрыве с идеей «двойного контакта» Гуссерля. Во-вторых, в параграфе **2.2.3** демонстрируется, что активность видящего остается практически допущением этой идеи, не будучи тематизированной эксплицитно и фактически отрицаемой ей. В-третьих, в параграфе **2.2.4** показывается теоретическое противоречие между точкой зрения философии сознания, «контрабандой» привнесенной этой имплицитной активностью, и точкой зрения философии плоти мира, связкой между которыми в случае Мерло-Понти оказывается, как мы демонстрируем с опорой на комментарии Рено Барбараса, понятие «плоть». Это противоречие иллюстрируется на примере невообразимости его модели зрения, требующей одновременно принять две несовместимые между собой точки зрения – точку зрения видящего и точку зрения видимого. В-четвертых, в параграфе **2.2.5** специально анализируется топология хиазма как, согласно общепринятой интерпретации, якобы снимающая у Мерло-Понти это противоречие. В нем демонстрируется, также с опорой на работы Барбараса, что идея хиазма не только не позволяет снять противоречие между видящим и видимым, но и, накладывая два аспекта проблемы (видящий-видимый/видимый-видящий) друг на друга, на самом деле, дублирует это противоречие, удваивает его.

Также в параграфе **2.2.6** отдельно анализируется в качестве альтернативного подхода к видимости субъекта фрагмент неоконченного курса лекций Мерло-Понти «Картезианская онтология и онтология сегодня», в котором он предлагает оригинальное прочтение *cogito* Декарта.

Экзистенциалистская интерпретация Декарта, которую мы находим в этом курсе Мерло-Понти, представляет *cogito* в качестве специфической самоманифестации субъекта (видения невидимого), отличной от видения-знания, описанного Декартом, например, в «Правилах для руководства ума» или «Диоптрике». В версии, предложенной Мерло-Понти она, действительно, оказывается оригинальным описанием видимости субъекта, недостающим в «Видимом и невидимом», но вступает при этом, как мы показываем, так же в сложные и противоречивые отношения с онтологией плоти мира. Вдохновенное онтологией плоти мира, прочтение Декарта Мерло-Понти оказывается в итоге с ней с трудом совместимым.

В выводах к этой главе, таким образом, мы оказываемся вынуждены констатировать: Мерло-Понти в своих неоконченных трудах не столько конструирует теоретическое пространство, в котором дуализм субъекта и объекта одновременно бы преодолевался и сохранялся, сколько накладывает друг на друга две точки зрения – точку зрения философии видимой плоти мира и точку зрения видящей философии сознания. Попеременно сменяя друг друга, эти две точки зрения, конечно, в каком-то смысле позволяют Мерло-Понти ввести тему видимости субъекта в философию, но не формируют при этом единую мысль. Хотя Мерло-Понти своим сильным и дальновидным решением принять «общее» за разделяемую субъектом и объектом теоретическую точку отсчета и закладывает, действительно, принципиальные основания для дальнейшего осмысления темы видимости субъекта, но, помещая на место этого общего то, что он называет «плотью мира», он оказывается не в состоянии сформировать вокруг него единое теоретическое пространство, которое остается в его случае колебанием между двумя плохо совместимыми между собой мыслительными традициями и перспективами. Не ограничиваясь этими критическими замечаниями, в выводах к главе мы также очерчиваем дальнейший потенциал радикального проекта Мерло-Понти.

В промежуточном заключении к части I делается попытка провести аналогии между теоретическими проблемами, с которыми столкнулись Сартр и Мерло-Понти, а возможность их разрешения связывается с вступившим в силу уже после Мерло-Понти движением структурализма и пост-структурализма. В частности, с понятием субъективации. Интрига дальнейшего исследования завязывается вокруг того факта, что даже с вступлением в силу этого движения, тема видимости субъекта/ов не становится мыслимой автоматически.

Часть II посвящена точечному исследованию темы видимости субъектов в постструктурализме и приходящем ему на смену философском моменте, условно называемом нами «постдеконструктивизмом». Во введении ко второй части мы демонстрируем как новые возможности для теоретической артикуляции понятий «видимость» и «субъект», возникающие в этот философский момент (введение понятия «субъективации», смещающего акцент с «бытия-субъектом» на «становление-субъектом» и сглаживающего оппозицию между субъектом и объектом), так и новые теоретические вызовы (привилегия языка над видимостью), которые формулируют беспрецедентный формат отношений между видимостью и субъектом. Видимость, действительно, впервые становится частью процессов субъективации, но ассоциируется при этом исключительно с ее осью подчинения/объективации, тогда как субъективация в «сильном» смысле слова продолжает ассоциироваться с невидимостью. Выдвигается гипотеза, согласно которой, напротив, на выходе из постструктурализма, именно видимое измерение субъективации, дополняющее языковое, становится стратегическим.

В третьей главе на материале творчества Жака Рансьера исследуются возможности более радикальной трансформации связи между видимостью и субъективацией на территории политики. Такая конкретизация оказывается неслучайной: во французском контексте 1970-х-1980-х именно субъект политической практики выходит на первый план, во многом затмевая для исследователей субъект теоретический, прерогативой которого считалась

эпистемология. В этой главе мы стремимся показать, как и за счет чего Жаку Рансьеру, яркому представителю этого поворота к теории практик, удастся на территории политики превратить видимость, ассоциирующуюся в эту эпоху, главным образом, с подчинением (подход, ставший превалирующим в критических исследованиях вслед за знаменитым анализом паноптикума Фуко в «Надзирать и наказывать») в средство сопротивления, то есть помыслить активность, вовлеченную в, казалось бы, пассивную ситуацию видимости. Эту трансформацию мы рассматриваем в качестве яркого примера теоретизирования связи между видимостью и субъективацией в «сильном» смысле этого слова. Также в этой главе на материале его более поздних эстетических текстов отдельно анализируются ограничения выработанного Рансьером подхода к видимости в ее связи с субъективацией.

Раздел **3.1** посвящен прояснению теоретико-методологических нововведений Рансьера, позволивших ему в его политических текстах 1980-х-1990-х выдвинуть императив субъективации в терминах «становления видимым – становления субъектом». Эти нововведения анализируются нами на фоне фуколдианского подхода, который, как мы показываем, Рансьер во многом заимствует, внося в него при этом ряд существенных изменений, выделяющих его как автора из контекста постструктурализма. В параграфе **3.1.1** показывается, что зарождение интереса к связи между субъективацией в сильном смысле слова и идеей паноптизма восходит еще к резкой критике молодым Рансьером идеи «бессубъектных процессов» Альтюссера, по отношению к которой исследования Фуко, в частности, его «Надзирать и наказывать», играют в случае ранних работ Рансьера неоднозначную роль. Демонстрируется, что исследования Фуко в интерпретации Рансьера одновременно воспроизводят в общем виде подход Альтюссера к субъективации и предлагают возможности для критики его идеи «бессубъектных процессов» на основании переформулировки отношений между теорией и практикой. Последнюю Рансьер доводит до предела, обращая ее, фактически, в итоге против самого Фуко. Нами обнаруживается, таким

образом, связь между критикой «непоследовательного материализма» бессубъектных процессов Альтюссера, и его более поздним предположением равной видимости всех, и, следовательно, с превращением видимости из оператора подчинения (каким она является, например, и в знаменитом тезисе Фуко «Видимость – это ловушка») в способ верификации равенства политических субъектов. В параграфе **3.1.2** на примере понятия «полиция», разделяемого Рансьером и Фуко, наглядно демонстрируются наиболее глобальные различия «теоретических диспозитивов» двух авторов. Показывается, как Рансьер, теоретизируя «политику» в качестве позитивной изнанки «полиции», предпринимает попытку выйти за рамки того, что он определяет в качестве «детерминизма» исторических *a priori* Фуко, фактически предлагая возможность повлиять на эти исторические *a priori* распределения чувственности (в том числе распределения видимого/невидимого), поставить их под вопрос за счет их де-историзации теми, кого традиционно принято называть, «субъектом истории». С той разницей, что субъектом они становятся только совершая эту трансформацию. В параграфе **3.1.3.** анализируется более частная трансформация фуколдианской идеи «исключения», заложенная в одном из ключевых понятий политики Рансьера – понятии «разделения чувственного» и связанная, как мы показываем, напротив, с более радикальной, чем у Фуко, историзацией невидимости. Как мы пробуем показать, именно под категорию структурно «невидимых» в данном исторически сложившемся распределении чувственного и подводятся те, кого Рансьер называет «обездоленными». В параграфе **3.1.4** демонстрируется, каким именно образом эти два нововведения позволяют Рансьеру выдвинуть императив субъективации в терминах «становление видимым=становление субъектом». Категоризированные в качестве структурно невидимых в публичном пространстве, те, кого Рансьер называет «обездоленными», оказываются для него в состоянии поставить под вопрос свою невидимость и ее несправедливость именно благодаря теоретическому допущению Рансьера

возможности стать «субъектом истории», то есть поставить под вопрос текущее распределение чувственного. Ведь «обездоленные» Рансьера могут стать видимыми в публичном пространстве если и только если они поставят под вопрос текущее несправедливое распределение чувственного, которое и делает их невидимыми. Такая постановка под вопрос оказывается возможной у Рансьера с опорой на универсалию равенства, характеризующую политику как позитивную изнанку полиции. Специально анализируется связь между универсальностью, равенством, субъектом и таким узким образом понятым случаем «становления видимым».

В параграфе **3.1.5** на примере «Несогласия» также исследуются особенности оригинальной теории неоднородного «видимого» Рансьера этого периода, которая и позволяет ему, как мы показываем, говорить о такого рода субъективирующем «становление видимым», которое на поверку оказывается «видением невидимых». Показывается роль понятия «видимость» в смысле «всего лишь видимость» («appareance») в постановке под вопрос текущего несправедливого распределения публичного видимого/невидимого и соответствующего ему режима «идентичностей». Анализируется теория видимости-appareance Рансьера как избегающая двух крайностей – крайности критической теории и крайности теории тотальной симуляции – за счет уравнивания в правах реальности и видимости с сохранением зазора между ними. Видимость-appareance трактуется как введение в поле опыта некоего видимого, которое изменяет его режим. В параграфе **3.1.6** анализируется роль вымысла в этого рода видимости, в качестве частного проявления которой рассматривается особо важное для политических текстов Рансьера понятие «сцены». Показывается, какого рода сложные отношения устанавливаются между понятием «политической сцены» Рансьера и сложившей традицией анализа публичного пространства в терминах видимого (главным образом, в лице Ханны Арендт), с которой он полемизирует. Также демонстрируется контраст между идеей «политической сцены» Рансьера и его же идеей «театральной сцены» из более позднего сборника «Эмансипированный

зритель». Этот контраст формулируется в терминах становления-видимым, необходимым в политике и отсутствующим в эстетике, и связывается с вопросом об отличии политической субъективации от субъективации эстетической. Исследование этого отличия становится отдельной задачей следующего раздела.

Раздел **3.2** посвящен прояснению связи между видимостью и субъективацией в текстах Рансьера об эстетике. Последнюю он сделал объектом своего пристального интереса на втором этапе своего творчества, в конце 1990-х-начале 2000-х годов. Эта связь, как мы пробуем показать, предстает в текстах позднего периода его творчества в свете, отличном от текстов его политики, обнаруживая ограничения выработанного им подхода.

Чтобы исследовать это отличие мы, в первую очередь, в параграфе **3.2.1** демонстрируем разницу в подходах между двумя этапами и соответствующими им предметами творчества Рансьера – между его эстетикой политики и политикой эстетики –, неочевидную для большинства его комментаторов. Нами специально показывается, что это отличие проходит, в том числе, по линии субъекта: в политике Рансьера субъективация играет ключевую роль, а в его эстетических текстах она практически отсутствует. Здесь же ставятся под сомнение гипотезы двух англоязычных комментаторов – Бруно Бастилза и Гэблиэля Рокхила, косвенно объясняющие отсутствие субъектов в эстетике поворотом Рансьера к более радикальному историзму и отказом от резкой оппозиции между политикой и полицией. С целью предложить более «близкое» творчеству исследуемого автора толкование исчезновения субъектов в эстетике Рансьера мы сначала обращаемся в параграфе **3.2.2** к объяснению разницы между двумя политиками (политикой «Несогласия» и политикой эстетики), данному самим Рансьером. Особое внимание мы уделаем разбору комментария Рансьера к тексту «Писем об эстетическом воспитании человека» Шиллера, на материале которого французский философ и дает наиболее подробное объяснение отсутствию в эстетике политики в сильном, сопряженном с субъективацией,

смысле, то есть такой политики, какой она предстает в его текстах конца 1980-х-начала 1990-х. Его анализ мы также сопровождаем прояснением разницы между двумя понятиями «эстетика» у Рансьера – в смысле «эстетики политики» и «политики эстетики» – прослеживая ее связь с немецкими идеализмом и романтизмом. В результате нам удастся осмыслить, каким именно образом в «политике эстетики» Рансьера гетерогенность видимого (проанализированная нами в предыдущем разделе на материале «Несогласия») трансформируется в случае искусства из принципа сопротивления и условия возможности субъективации в принцип отмены политики («метаполитику»). В контексте этих объяснений, как мы обнаруживаем, отсутствие субъектов в эстетике позднего Рансьера может, действительно, предстать в качестве вполне объяснимого его же политическими текстами. Тем не менее сама разница между двумя понятиями «эстетики» - одним, скорее, внеисторическим, и другим – очерченным узкими историческими рамками (немецкий романтизм – наши дни), как мы показываем, может вызвать вопросы.

Для ответа на них в параграфе **3.2.3** мы обращаемся к одному из интервью, данных Рансьером в рамках бесед для сборника «Метод равенства». Признание, данное в нем Рансьером, позволяет нам предпринять попытку проанализировать его сценарий прочтения «Писем об эстетическом воспитании» Шиллера и обращение к немецкому романтизму, в принципе, в качестве вынужденной реакции на неудачную попытку найти универсальный принцип «литературности», аналогичный принципу равенства в политике. Такое решение позволяет нам объяснить отсутствие субъектов в эстетике Рансьера абстрактно-логически, ведь в его политике возможность субъективации непосредственно связывается с универсализацией требований «обездоленных», оказавшейся невозможной в эстетике. Тем не менее, не ограничиваясь этим формальным выводом, в этом параграфе мы также предпринимаем попытку проследить эмпирически фактическое исчезновение субъектов из эстетики Рансьера на материале его текстов, посвященных

литературе конца 1990-х – середины 2000-х. В этом анализе нами показывается, как параллельно с отказом от универсальности принципа «литературности» Рансьер постепенно приходит к тому, чтобы усматривать в формах литературной индивидуации, делающей видимым не менее эффективно, чем политика, не столько альтернативу, сколько полную противоположностью субъективации политической. Проясняется, как в этих текстах доведенная до своего предела логика становления нивелирует в конечном счете принцип активности, позволивший связать видимость с субъективацией, превращая, таким образом, эстетическую видимость в принцип десубъективации. Проводится частичная аналогия с проблемами, с которыми мы столкнулись в онтологии видимого и невидимого Мерло-Понти. В параграфе **3.2.4** это новое объяснение места субъектов в эстетике Рансьера связывается с его крайне своеобразной критикой делезианской онтологии. Показывается, как и почему эта критика Рансьера одновременно заимствует основания и терминологию онтологии Жюлья Делеза и ставит ее под вопрос, подвергая сомнению тезис о ее неизбежной политичности и превращая при этом современную литературу, наследницу принципов романтической эстетики, в принцип десубъективации.

В параграфе **3.2.5** мы подводим итог этим рассуждениям, задаваясь вопросом о возможном соотношении между субъективацией эстетики политики зрелого Рансьера и десубъективацией метаполитики эстетики Рансьера позднего. В нем же высказывается предположение о возможности предложить более нюансированную и продуманную концепцию отношений между субъективацией и десубъективацией, чем та, которую мы, в конечном счете, обнаруживаем в скрытом виде у Рансьера. В **выводах** к этой главе делается заключение об ограниченности рансьеровского сильного тезиса о связи между становлением видимым и становлением субъектом его радикальной политической субъективацией, интерес к которой во многом объясняется (хотя и не исчерпывается) философским моментом, непосредственно следовавшим за событиями мая 1968 года. Оригинальные

для постструктуралистского контекста нововведения его политической теории, позволившие Рансьеру теоретизировать эту связь, оказываются нерелевантны, в частности, для эстетики, особый интерес к которой становится спецификой момента исхода постструктурализма и приходящему ему на смену «постдеконструктивизма».

В качестве показательного для этого момента автора рассматривается другой важный современный французский философ – Жан-Люк Нанси, чье творчество исследуется в **главе 4** сквозным образом в попытке проследить в нем развитие темы портрета как особого эстетического диспозитива, делающего видимым для других и для себя субъект репрезентации. Во введении к этой главе с целью резюмировать два существенных для нашего исследования отличия Нанси от Рансьера раскрывается приоритетная важность искусства для онтологии Нанси и оригинальность его подхода к вопросу конца субъекта, во многом вдохновленного немецкими авторами (Ницше и Хайдеггером), но несводимого к простой критике субъекта. Выдвигается гипотеза для дальнейшей проверки: именно на месте специфической видимости портрета субъекта, на территории эстетики, и происходит у Нанси переход от метафизики субъекта к приходящей ей на смену онтологии единичного множественного.

В параграфе **4.1.1** производится максимально общий анализ его концепции отношений между субъектом и искусством на материале основополагающего в этом отношении текста Нанси, написанного в соавторстве с Филиппом Лаку-Лабартом, – «Литературном Абсолюте». В сопроводительных статьях этого сборника, представляющего фрагменты текстов немецких романтиков, как мы показываем, можно найти альтернативную Рансьеру интерпретацию романтической концепции литературы в ее связи с субъектом. Амбивалентный тезис Нанси и Лаку-Лабарта, согласно которому литературный Абсолют романтиков «обостряет

радикализует мысль тотальности субъекта, делая ее бесконечной»⁴⁰ истолковывается нами с опорой на комментарий Дэниеля Дж. Хоолсемы, в том смысле, что последовательная реализация романтического проекта доводит его до таких пределов, где этот проект меняет свой смысл на противоположный. Как если бы в искусстве субъект находил свое завершение одновременно в том значении этого слова, что он становился, наконец, завершенным, и в том смысле, что он завершался, то есть терял свой статус субъекта. Этот тезис о более нюансированных отношениях между историчностью и универсальностью, субъективацией и десубъективацией связывается с идеей репрезентации/представления, которая, в свою очередь, приводит нас к анализу роли зрения и видимости в метафизике субъекта. Предполагается, что Нанси ставит под вопрос субъект репрезентации изнутри метафизики Субъекта, и для этого – направляет взгляд на самого субъекта как источник зрения, делает его видимым. Сам себя субъект увидеть не может, и такая завершающая субъект видимость обеспечивается у Нанси, как мы предполагаем, именно на территории искусства и, в частности, искусства портрета. В остальных четырех параграфах этой главы анализируются четыре ключевых этапа развития этой темы у Нанси.

В параграфе **4.1.2** предлагается интерпретация первого значимого появления темы портрета у Нанси в его прочтении «Рассуждений о методе» Декарта в главе «*Largatus pro deo*» работы «*Ego sum*». Нанси, как мы пробуем показать, демонстрирует «бездомность» *cogito* и его изначальную зависимость от других. Именно внимание к «эстетическому измерению» текста Декарта и позволяет Нанси предложить комментарий к этому ключевому для западной философии тексту, уклончивый одновременно по отношению к важным репликам Хайдеггера и Деррида. Типично барочные мотивы масок и портретов, согласно нашей интерпретации комментария Нанси, с одной стороны, позволяют Декарту скрыть эту зависимость, а с другой

⁴⁰ L'Absolu littéraire. Théorie de la littérature du romantisme allemand / présentée par Ph. Lacoue-Labarthe, J.-L. Nancy. Paris: Seuil, 1978. P. 26.

– выдают необходимость презентации субъекта сначала другим, и уже потом, посредством взгляда других, самому себе, таким образом, что субъект оказывается неотделим от этой презентации. Как если бы без презентации другим никакая теория (связанная этимологически со зрением) субъекта была невозможной, сама же эта презентация осуществляется, привилегированным образом, в искусстве. Формулируется парадокс представления субъекта: нет субъекта без выказывания вовне; где есть выказывание вовне, нет субъекта. В параграфе **4.1.3** анализируется комментарий Нанси к другому ключевому тексту западноевропейской философии субъекта – «Феноменологии духа» Гегеля, также в связи с искусством. Фрагмент о конце эстетической религии из этой работы интерпретируется Нанси в качестве портрета искусства, чья автономия, переживающая его конец, перформативно утверждается в самом тексте Гегеля в образе молодой девушки, подносящей дары. Таким образом, в тексте автора, знаменитого своим тезисом о связи живописи и субъективности в так называемом «романтическом искусстве» Нанси, как мы показываем, пытаются, как ни парадоксально, разорвать эту связь: автономия искусства в его портрете мыслится по модели, отличной от автономии субъекта. Взгляд портрета искусства из «Феноменологии Духа» Гегеля в комментарии Нанси – это не взгляд субъекта, это взгляд, который не отсылает ни к чему и ни к кому, ничего и никого не ре-презентует, это взгляд полностью выведенной вовне, экстериоризированной субъективности. Но и портрет искусства из «Феноменологии Духа», анализируемый Нанси, (мы специально обращаем на это внимание) является не живописным, как в знаменитом тезисе о связи субъективности и искусства из «Эстетики» Гегеля, а графичным. В параграфе **4.1.4** предпринимается попытка проинтерпретировать более поздний, специально посвященный теме портрета текст Нанси, «Взгляд портрета», как особым образом совмещающий его комментарий к портрету искусства из «Феноменологии духа» с тезисом Гегеля о связи живописи и субъекта из «Эстетики». Согласно нашему прочтению, в этом тексте Нанси предпринимает попытку показать, в какой мере так называемый «автономный

портрет», портрет *par excellence*, сам по себе уже не столько ре-презентирует субъект, сколько презентует его, фактически производя субъект/сюжет на своей поверхности и удваивая его структуру. Тем не менее, поскольку автономия портрета, как было показано выше, мыслится по модели, отличной от автономии субъекта, будучи автономией внешнего, производство портретом субъекта оказывается также и завершением метафизики субъекта репрезентации, демонстрирующем его зависимость от других. При этом, как нами показывается в параграфе 4.1.5 на примере текста «Другой портрет», такого рода модель автономного портрета оказывается для Нанси уже преодоленной в более современных практиках портрета, в которых мы имеем дело не столько с портретом субъекта, сколько с портретом другого, и не столько с его присутствием, сколько с его отступлением/отдалением. Портрет, который, как мы пытались показать, был местом перехода от метафизики субъекта к онтологии единичного множественного, и сам, таким образом, совершает переход. В **выводах** к этой главе резюмируется постепенное и колебательное движение Нанси от одной модели портрета (как портрета субъекта) к другой (как портрета другого), от завершения субъекта – к онтологии единичного множественного.

В промежуточном заключении к части II подводится итог анализу роли темы видимости субъектов у Рансьера и у Нанси в «преодолении» постструктурализма, а также рассматриваются те ресурсы творчества авторов французской феноменологии – Жана-Поля Сартра и Мориса Мерло-Понти, которые два современных автора при этом задействуют.

Общее заключение в сжатом виде представляет результаты исследования. В первую очередь, подводятся итоги в отношении к теме в целом: в исследовании мы, во-первых, показали, как именно в современной французской философии тема видимости субъектов постепенно заступает на место прозрачности рефлексивного сознания; во-вторых – выявить некоторые константы этого процесса (сложности в одновременном теоретизировании двух аспектов субъекта – активность/пассивность, а также гетерогенности

видимого), проявляющиеся независимо от различий в подходах разных авторов; а также проследить ряд тенденций (от бытия субъектом через становление субъектом к завершению субъектом, от бинарной оппозиции Я/Другой к разделяемой всеми инаковости, от интеллектуального зрения к чувственному, а от него – к зрению, колеблющемуся между чувственностью и интеллектом, между видимым и говоримым). Далее резюмируются результаты в отношении каждого из рассмотренных авторов и представляются отношения между ними. Авторы в результате исследования предстают в качестве ключевых для понимания темы, картографирующих поле ее развития. Каждый из них при этом только выигрывает, если читать их попарно: Сартра вместе с Мерло-Понти, Рансьера – с Нанси, Рансьера с Сартром, и Нанси с Мерло-Понти). Наконец, намечаются пути для дальнейшей разработки и более углубленного изучения темы нашего исследования, которые связываются, в первую очередь, с более внимательным и близким чтением ряда текстов авторов, непосредственно не ассоциируемых с темой нашего исследования, но поддающихся, согласно нашему предположению, как, например, и Сартр в нашей первой главе, более нюансированному прочтению.

Публикации автора по теме диссертации

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России:

1. *Перцева А.А.* Видимость субъекта между воображением и восприятием. Сартр и Мерло-Понти // Философский журнал. 2016. Т. 9. N. 3. С. 77-105.
2. *Перцева А.А.* Историзм и субъективация: от Фуко к Рансьеру и обратно // История философии. 2017. Т. 22. N. 1. С. 92-105.
3. *Перцева А.А.* Образ Другого в ранней теории воображения М. Мерло-Понти // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 1. С. 116-135.
4. *Перцева А.А.* Сиди и смотри (Жак Рансьер. Эмансипированный зритель) // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 269-273.

Иные публикации по теме кандидатской диссертации:

5. *Перцева, А.А.* Жак Рансьер: философ и его субъект // Философия. Язык. Культура. Вып. 6 / под ред. В.В. Горбатов, А.В. Марей. СПб.: Алатейя. 2015. С. 477-491.
6. *Перцева А.А.* Проблема видимости у Фуко и Рансьера // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 5. С. 121-143.
7. *Pertseva, A.* Le regard de l'autre chez Sartre: L'entre-deux de l'imagination et de la perception // Bulletin d'Analyse Phénoménologique. 2017. Vol. 13. № 2. P. 413-432.